
Ольга Риби
Мой
ЧЁРНЫЙ ПЁС

Ольга Риви

Мой чёрный пёс

«Автор»
2026

Риви О.

Мой чёрный пёс / О. Риви — «Автор», 2026

Элла всегда знала, какой должна быть хорошая дочь: вовремя возвращаться домой, улыбаться нужным людям и не давать отцу повода стыдиться её. Она годами жила по этому сценарию, пока однажды ночью не вспыхнул огонь, и вместе с ним не сгорела её безупречная репутация.Единственным свидетелем оказался Марк — дерзкий стритрейсер на чёрном БМВ и ротвейлером, который разбирается в людях лучше многих. Марк знает, что сделала Элла, и готов промолчать, но деньги ему не нужны.Она понимает, что должна уйти, но вместо этого садится в его машину.Их странная сделка рассчитана всего на одну ночь, но скорость сближает сильнее разговоров, страх заставляет быть честными, а взаимная неприязнь всё чаще становится похожа на чувство, которому опасно давать имя.Сможет ли Элла выбраться из золотой клетки, если дорогу к свободе ей показывает человек, которому она не должна доверять?Криминальный роман, где опасная любовь становится началом новой жизни!

© Риви О., 2026
© Автор, 2026

Ольга Риви
Мой чёрный пёс

Пролог

Я узнала его по собаке.

Лица той ночью я почти не запомнила. Перед глазами остался только тёмный силуэт между соснами, рука, схватившая меня за плечо, и острая боль от лопнувшей цепочки. Кто-то крикнул, чтобы я остановилась, но я неслась через лес, царапая ладони о ветки и задыхаясь от холодного воздуха. Позади рычал пёс.

Ротвейлера я бы узнала и через десять лет.

Теперь он сидел у входа в кофейню и смотрел на меня через стекло. Огромный и чёрный. Прохожие огибали его по широкой дуге, а он не обращал на них внимания, будто пришёл сюда не пугать людей, а дождаться конкретно меня.

Рядом с ним стоял парень.

За его спиной была припаркована старая чёрная БМВ. На машину было страшно смотреть, словно она пережила три войны, две погони и ни разу не признала своей вины. Её хозяин был под стать образу своего БМВ, на нём была потёртая куртка, тёмные волосы торчали в разные стороны, а руки были в карманах. Он выглядел спокойным, и это пугало больше, чем если бы он колотил в стекло и требовал меня позвать.

В одной руке он держал тонкую цепочку.

Она качнулась между его пальцами, поймала свет вывески, и у меня внутри всё оборвалось. Фамильное ожерелье, которое мать подарила мне на восемнадцатилетие и велела беречь «как честь семьи». Я тогда едва не спросила, можно ли честь семьи хранить в сейфе, чтобы не таскать такую ответственность на шее.

По официальной версии, украшение потерялось на вечере.

На самом деле цепочка осталась в лесу в ту ночь, когда загорелся кабинет отца.

Я поставила чашку мимо блюдца. Фарфор ударился о стойку, кофе расплескался по дереву и потёк к кассе.

— Элла, ты чего? — Бариста Лёша оторвался от кофемашины и нахмурился. — Обожглась?

— Нет, всё прекрасно, — ответила я слишком бодро и потянулась за тряпкой. — Просто решила проверить, умеет ли кофе двигаться самостоятельно.

Обычно я бы улыбнулась, но сейчас не получилось.

За последние месяцы я научилась врать без пауз и почти без угрызений совести. Родителям, что ожерелье потерялось в доме. Полиции, что я не заходила в отцовский кабинет, а матери, что не помню, с чего начался пожар. Себе — что брошенный мною в корзину лист вспыхнул случайно и что я не заметила пламя сразу.

Парень за стеклом, похоже, не верил ни в одну из этих версий.

Он спрятал цепочку в карман и направился ко входу.

Колокольчик над дверью звякнул. Ротвейлер остался снаружи, а парень вошёл один, окинул взглядом зал и сел у стойки напротив меня.

— Мы закрываемся через пять минут, — сказала я, продолжая вытирать разлитый кофе. — Если хотите сделать заказ, лучше определиться сейчас. Кухня уже не работает, а бариста мысленно дома.

— Пяти минут хватит, — спокойно ответил он.

— Для американо, возможно да. Для загадочного молчания у стойки, вряд ли.

Он посмотрел на кофейное меню, но даже не попытался его прочитать.

— Мне не нужен кофе.

Голос я тоже узнала. Именно он кричал мне вслед в лесу, чтобы я остановилась. Я положила тряпку на стойку и заставила себя посмотреть незнакомцу в лицо.

— Тогда вы ошиблись заведением. Напротив есть бар. Там можно ничего не заказывать и смотреть на людей с таким видом совершенно законно.

— Я не ошибся, — сказал он и перевёл взгляд на мои серьги.

В них были те же белые камни, что и в ожерелье. Я едва не коснулась мочки уха, но вовремя остановила руку.

— Красивые серьги, — заметил парень. — Только комплект выглядит незаконченным.

— Ему не хватает хороших манер у человека, который его разглядывает?

В уголке его рта появилась усмешка. Не дружелюбная, но хотя бы живая.

— Значит, разговаривать ты умеешь. А в лесу только бегала и ветками личико своё красивое портила.

— Это была не попытка познакомиться. Хотя понимаю, в вашем кругу сигналы могут считываться иначе.

Он тихо усмехнулся, а я сжала край стойки.

В зале оставались двое посетителей. Над кассой висела камера, под стойкой была тревожная кнопка, а в подсобке находился Лёша, который весил меньше кофемашины и вряд ли мог считаться надёжной охраной.

Я перечислила всё это про себя, но спокойнее не стало.

— Мы раньше встречались? — спросила я, решив дать ему возможность соврать первым.

— После той ночи уже глупо делать вид, что нет.

— Странно. Обычно я хорошо запоминаю людей, которые мне не нравятся.

— А я тебя сразу запомнил, — ответил он без улыбки. — Трудно забыть девушку в дорогом платье, которая ночью выбегает из горящего дома и несётся через лес так, будто за ней охотится вся семья.

— У вас богатая фантазия.

— У меня хорошая память.

Он достал ожерелье и положил на стойку. Цепочка тихо звякнула о дерево, но мне показалось, что этот звук услышали даже на соседней улице.

Я потянулась к украшению, но остановилась, не коснувшись его.

— Где вы это нашли?

— Ты и сама знаешь где.

— Если бы знала, не спрашивала бы.

— Тогда давай позвоним твоей матери, — предложил он и подвинул ко мне мой телефон. — Покажем ей ожерелье. Может, Ангелина Сергеевна окажется внимательнее.

Я посмотрела на экран. Всего одно движение и можно вызвать полицию или охрану отца. Правда, вместе с охраной приехали бы вопросы, а их я боялась не меньше этого парня.

Он проследил за моим взглядом и чуть наклонился ко мне.

— Можно позвонить Игорю Владимировичу. Думаю, ему будет интересно узнать, почему его дочь выбежала из горящего дома через лес. В одном платье, без телефона и с чёрными от сажи руками.

Страх поднялся к горлу, но я проглотила его вместе с желанием ударить незнакомца кофейником. За порчу рабочего имущества Лёша бы меня не простил, даже если бы я спасала семейную честь.

— Сколько вы хотите? — спросила я.

Парень нахмурился, будто не понял.

— За что?

— За молчание. Люди не приходят перед закрытием с чужим фамильным ожерельем, чтобы поговорить о пожарной безопасности. Вы нашли меня, узнали имена моих родителей и теперь хотите денег. Назовите сумму, и мы закончим этот спектакль.

— Деньги мне не нужны.

— Конечно. Все так говорят, пока не услышат предложение.

Он откинулся на спинку стула и посмотрел на меня внимательнее.

— Ты правда уверена, что твоя семья способна купить всё?

— Нет. Только людей, — ответила я. — Вещи обычно достаются ей бесплатно.

Усмешка исчезла с его лица. На секунду я увидела не уличного наглеца и не шантажиста, а уставшего человека, который слишком хорошо понял, о чём я говорю.

— Меня не купишь, Элла, — произнёс он тихо.

Он впервые назвал моё имя, и по спине прошёл холод. Я не представилась. Значит, он не просто случайно нашёл цепочку и увидел меня через окно. Он искал меня.

— Тогда объясните, зачем вы здесь, — потребовала я, хотя голос прозвучал тише, чем хотелось. — Вы следили за мной? Узнали, где я работаю? Вы понимаете, насколько это ненормально?

— Понимаю. Ненормально — это ночью выбегать из горящего дома, молчать несколько месяцев, а потом делать вид, что всё в порядке.

— Вы ничего обо мне не знаете.

— Знаю достаточно, чтобы не поверить в неисправную проводку.

Я снова потянулась к ожерелью, но парень оказался быстрее. Он накрыл цепочку ладонью и убрал её в карман.

— Вы пришли вернуть мою вещь или подразнить меня ею? — спросила я. — Потому что второе выглядит глупо даже для шантажа.

— Я пришёл её вернуть.

— Пока получается наоборот.

— Сначала я получу свою цену.

Я невольно рассмеялась, хотя мне совсем не было весело.

— Вы только что сказали, что деньги вам не нужны. Определитесь с образом злодея, а то зритель начинает путаться.

Он тоже усмехнулся, но взгляд остался серьёзным.

— Мне нужна не сумма. Мне нужна услуга.

— Какая?

За стеклом поднялся ротвейлер и приблизился к двери. Пёс смотрел не на хозяина, а на меня, будто тоже ждал ответа. Чёрная БМВ мигнула фарами, наверное, сработала сигнализация, но в тот момент мне показалось, что вся эта странная компания уже знает условия сделки.

Парень встал и застегнул куртку.

— Завтра узнаешь.

— Нет, так не пойдёт. Вы не можете явиться на мою работу, напугать меня, сказать про какую-то услугу и просто уйти.

— Как видишь, могу.

— Я ни на что не соглашалась, — напомнила я, выходя из-за стойки.

Он остановился у двери и посмотрел на меня через плечо.

— Согласишься.

Он толкнул дверь, и колокольчик снова звякнул. Ротвейлер поднял голову, но не двинулся с места, пока хозяин не оказался рядом.

— Подождите, — окликнула я. — Как вас зовут?

Парень обернулся.

— Марк.

— А если я сейчас позвоню в полицию, Марк? — Я достала телефон и постаралась держать его так, чтобы не было видно дрожащих пальцев. — Расскажу, что вы следите за мной и требуете какую-то услугу.

Он задержал взгляд на телефоне, затем посмотрел мне в глаза.

— Звони. Только тогда им придётся узнать, с чего на самом деле начался пожар.

Марк вышел, и ротвейлер послушно зашагал рядом с ним. Через минуту старая БМВ взревела, выехала с парковки и растворилась за поворотом.

Я осталась у двери с телефоном в руке. За спиной Лёша спросил, знаю ли я этого парня. Я ответила, что нет, и поняла, что ещё одна ложь далась мне слишком легко.

Марк не назвал цену моей тайны.

Хуже было другое, судя по его взгляду, платить мне предстояло не деньгами.

Глава 1

За несколько месяцев до того, как я начала тайно варить кофе, в попытках заработать себе на жизнь, отец решил продать моё будущее своим гостям.

Сделал он это с присущим ему изяществом. В загородном доме сияли хрустальные люстры, официанты бесшумно скользили между людьми с подносами, а на террасе какой-то квартет играл что-то бесконечно скучное. Вечер был благотворительным, посвящённым детям, которым никто из присутствующих не собирался помогать лично, но все с удовольствием позировали у баннера фонда для красивых отчётов в соцсетях. Я стояла рядом с родителями и улыбалась. Идеальная дочь всегда знает, как растянуть губы в приветливой мине, даже когда внутри всё горит от желания укусить кого-нибудь за горло.

— Элла в следующем году поступает в Лондон, — сообщил Игорь Владимирович мужчине с таким лицом, будто он никогда в жизни не слышал слова «нет». — После учёбы сразу пройдёт стажировку у наших партнёров. Всё уже согласовано, никаких сюрпризов.

Я медленно повернула голову к отцу, чувствуя, как внутри всё обрывается. Для меня это было новостью.

— Правда? — тихо спросила я, глядя на него в упор.

Отец положил ладонь мне на спину. Со стороны жест выглядел заботливо, но я знала этот код - стой ровно, молчи и не смей портить вечер.

— Конечно, — ответил он, даже не глядя на меня. — Мы же это обсуждали.

Мы не обсуждали, отец говорил, я слушала. В нашей семье это и называлось «обсуждением».

— А потом, глядишь, и свадьба, — рассмеялся собеседник, похлопав по животу. — У Аркадия сын как раз вернулся из Швейцарии, отличный парень.

— Очень воспитанный молодой человек, — с мягкой улыбкой согласилась мама, поправляя складку на своём безупречном платье.

— И совершенно не подозревает, как ему повезло, — добавила я, глядя куда-то в пустоту.

Мужчина снова расхохотался, решив, что я просто кокетничаю. Отец посмотрел на меня всего секунду, но от этого взгляда у меня мгновенно замёрзли пальцы.

Через десять минут я перехватила его возле лестницы, когда он решил отойти от гостей.

— Ты серьёзно даже не спросил меня? — я постаралась, чтобы голос не дрожал. — Хотя бы про университет. Ты просто выставил всё как свершившийся факт.

— Элла, не начинай сейчас, — он раздражённо выдохнул и оглянулся, проверяя, не видит ли нас кто-то из гостей. Даже злился он аккуратно, чтобы ни одна трещина не появилась на семейном фасаде.

— Удивительная фраза. Особенно учитывая, что я ещё даже не начала говорить всё, что думаю об этом «согласованном» будущем.

— Ты хотела хорошее образование, и ты его получишь, — отрезал он, наконец посмотрев мне в глаза. — Просто ты пока не понимаешь, что для тебя на самом деле лучше.

— А тот воспитанный сын Аркадия тоже входит в учебную программу? — я горько усмехнулась. — Ты объявил о моей жизни людям, которых я почти не знаю, но глупости здесь говорю я?

Отец сделал шаг вперёд, сокращая дистанцию. Его голос остался ровным, но в этом спокойствии было больше угрозы, чем в любом крике.

— Пока ты живёшь за мои деньги, твоя свобода ограничивается моими правилами, Элла. Запомни это.

Он не кричал. Ему это было не нужно, стены в этом доме и так слушались его беспрекословно.

— Значит, надо перестать жить за твои деньги, — бросила я ему в лицо.

На его губах появилась короткая, снисходительная улыбка.

— Сначала попробуй заработать хотя бы на те туфли, что сейчас на тебе, — он развернулся и ушёл к гостям, оставив меня одну чувствовать себя дорогой вещью с ценником.

Мама подошла почти сразу. Она, видимо, караулила неподалёку, чтобы вовремя погасить любой возможный скандал, в этом она была настоящим профессионалом.

— Не устраивай сцен, пожалуйста, — тихо попросила Ангелина Сергеевна, касаясь моего плеча. — Сегодня слишком важный вечер, чтобы портить его капризами.

— Конечно, — я закатила глаза. — Вдруг люди решат, что в этой семье вообще живут люди с эмоциями.

— Элла! — мама строго посмотрела на меня и поправила на моей шее фамильное ожерелье.

Тонкая цепочка, холодные белые камни. Это украшение принадлежало бабушке, потом перешло к маме, теперь его надели на меня. В нашем доме даже драгоценности передавались не как подарок, а как обязательство.

— Не сутулься, — добавила она, отстраняясь. — И серьги поправь, они должны быть видны всем.

— Чтобы будущий жених сразу оценил полную комплектацию товара? — язвительно спросила я.

— Иногда ты бываешь просто невыносимой.

— Спасибо, мама. Я стараюсь хоть в чём-то быть самостоятельной.

Мама поджала губы и молча ушла. Я продержалась ещё четыре минуты, прежде чем сбежать в маленький кабинет в дальнем крыле дома. Здесь почти не было гостей, только тяжёлые итальянские шторы и массивный стол. На поверхности лежала папка с моей фамилией.

Я открыла её и почувствовала, как в груди закипает ярость. Университет, стажировка, список курсов, расписание собеседований и даже рекомендации по публичным выступлениям. Моя жизнь была расписана на двенадцать листах с чёткими сроками и полями для согласования. Только в этом плане не было меня самой.

Я достала из сумочки зажигалку, которую Снежана сунула мне неделю назад, когда мы пытались развести костёр у реки. *«Оставь себе. Вдруг захочешь сжечь прошлое»,* — смеялась она тогда. Теперь я положила первый лист в металлическую корзину и поднесла огонь к углу бумаги.

Я просто хотела увидеть, как исчезнет хотя бы одна строчка, но пламя побежало по бумаге слишком быстро.

— Вот чёрт, — вырвалось у меня.

Я попыталась сбить огонь папкой, но горящий край выпал на ковёр, и всё пошло наперекосяк. Пламя перешло на штору, и дорогая ткань вспыхнула так легко, словно всё это время

ждала моего нервного срыва. Я в панике выплеснула на ковёр графин с водой, но её оказалось слишком мало. Дым ударил в лицо, я закашлялась, а за дверью уже послышались крики.

— Элла!

Я попыталась подойти к шторе, но жар буквально оттолкнул меня назад. Глаза заслезились, горло сжало спазмом. Ещё секунду назад я была злой и уверенной, но теперь остался только парализующий страх. Я распахнула запасную дверь и выбежала во двор.

За спиной завыла сигнализация, гости высыпали на террасу, женщины прикрывали рты ладонями, а мужчины пытались выглядеть полезными. Пожар потушили быстро, выгорел только кабинет и часть коридора, и пропали важные документы. Идеальная дочь за один вечер уничтожила план собственного будущего и кусок элитного текстиля.

— Короткое замыкание, — уверенно повторял отец, стоя перед толпой. — Старая проводка в западном крыле.

Дом построили четыре года назад, но гости сочувственно кивали. Если Игорь Владимирович говорил, что проводка старая, она старела мгновенно. Я смотрела на копоть на своих ладонях и понимала, что если я останусь, отец задаст мне вопросы, а потом сам же на них ответит.

Я побежала. Мимо беседки, через калитку, прямо в лес. Туфли вязли в сырой земле, ветки цеплялись за платье, лёгкие жгло от дыма, а в ушах стучала кровь. Я не видела дороги, но на меня выбежал пёс.

Из темноты раздался низкий, предупреждающий лай. Я остановилась так резко, что едва не растянулась на траве. В нескольких шагах стоял массивный ротвейлер. Пес был чёрный, широкий и очень внимательно разглядывал меня. Он натянул поводок и снова залаял, глядя на мои грязные руки.

— Брут, рядом, — раздался голос.

Из-за дерева вышел парень. Высокий, в тёмной куртке, с резкими скулами и слишком спокойным, почти оценивающим взглядом. Он посмотрел на дом, над которым всё ещё поднимался дым, а потом перевёл взгляд на меня.

— Ты оттуда сбежала? — спросил он, приподняв бровь.

— Нет, что ты. Я просто всегда гуляю по лесу в вечернем платье, — огрызнулась я, пытаясь восстановить дыхание.

Его бровь дрогнула.

— С копотью на руках?

Я быстро спрятала ладони за спину, чувствуя, как краснеют щёки.

— Это новый дизайн перчаток, не твоего уровня дело.

Ротвейлер дёрнулся ко мне, шумно втягивая воздух носом. Я инстинктивно отступила на шаг.

— Уберите собаку!

— Он просто на запах дыма реагирует, — спокойно пояснил парень.

— Передайте ему, что пожар уже обслуживает профессиональная охрана, так что можно расслабиться.

Парень сделал шаг ближе, рассматривая меня с каким-то странным любопытством.

— Тебе помощь нужна? Выглядишь так, будто только что пережила апокалипсис.

— Мне не нужна помощь от незнакомца с собакой размером с небольшой автомобиль, — я скрестила руки на груди.

Я хотела обойти его и уйти прочь, но он вдруг посмотрел на моё лицо внимательнее, и я замерла.

— Ты что, плакала? — в его голосе не было жалости, скорее какое-то странное, колючее любопытство.

— От восторга, — огрызнулась я, стараясь идти прямо, хотя ноги дрожали.

Он вдруг резко остановил меня, схватив за плечо.

— Отпустите меня, — процедила я, глядя куда угодно, только не в его глаза.

— Ты можешь быть ранена. Просто дай проверить.

— А вы можете получить туфлей в колено, если не уберёте руку, — я попыталась придать голосу уверенности, но вышло жалко.

Он коротко усмехнулся, окинув взглядом мои ноги.

— Убедительно. Хотя, судя по всему, один каблук у тебя уже сломан, так что оружие наполовину выведено из строя.

Я резко дёрнула рукой, освобождаясь из его хватки. В этот момент цепочка на шее натянулась, что-то тихо щёлкнуло, и холодный металл скользнул по коже, исчезая в темноте. Я даже не заметила этого, просто развернулась и побежала прочь, пока за спиной снова не залаял Брут.

— Элла! — голос Снежаны донёсся из темноты, перекрывая шум леса. — Элла, ты где пропала?

Я обернулась всего на секунду. Парень всё ещё стоял возле своего пса, и в его руке что-то коротко блеснуло. Тогда я решила, что это просто пряжка поводка, и даже не задумалась о другом. Как же я ошиблась. Впрочем, в тот вечер это была далеко не самая крупная моя ошибка.

Глава 2

Спустя несколько месяцев я окончательно освоилась в своём новом режиме. Я научилась варить идеальный кофе, профессионально улыбаться самым невыносимым клиентам и точно определять тот момент, когда молоко уже начинает пахнуть кислым, но управляющий всё ещё надеется продать его под видом «свежего». Официально по вторникам и четвергам я посещала дополнительные занятия по английскому, но на деле всё время проводила в кофейне возле набережной.

Смена обычно заканчивалась в десять. Я аккуратно складывала чаевые в старую жестяную банку под кассой, а зарплату переводила на секретную карту, о которой родители не знали. Сумма была смешной, но она была моей. Каждая помятая купюра означала час жизни, за который отец не мог выставить мне счёт или предъявить претензии.

— Мне один капучино без пены, — потребовал мужчина у стойки, даже не глядя на меня.

Я медленно подняла глаза, оценивая его заносчивый вид.

— В таком случае, вам нужен не капучино, а просто кофе с молоком.

— Девушка, я прекрасно знаю, что мне нужно, не надо меня учить, — раздражённо бросил он.

— Завидую вашей уверенности, — я едва сдержала ироничную улыбку. — Можно я приглашу сюда моего отца? У вас очень много общего в плане общения с людьми.

Мужчина нахмурился, явно не поняв, куда меня занесло, но кофе всё равно забрал, недовольно бурча что-то себе под нос.

В половине девятого в кофейню, как обычно, вихрем ворвалась Снежана. Короткая джинсовка, волосы, которые окончательно растрепал ветер, и глаза, горящие так, словно она лично украла солнце и теперь решила поделиться им со мной.

— Собирайся, ты идёшь со мной! — заявила она, с размаху запрыгивая на высокий стул.

— Добрый вечер, Снежа. Я тоже очень рада тебя видеть, — я продолжала протирать стойку, стараясь игнорировать её энтузиазм.

— Сегодня ночные гонки за старым портом. Ты обязана быть там, это будет невероятно!

— Нет, — отрезала я, даже не поднимая головы.

— Ты даже не подумала об этом! — Снежана возмущённо всплеснула руками.

— Я подумала об этом заранее, Снеж. Это значительно экономит моё время и, что важнее, снижает вероятность моей преждевременной смерти.

Она перегнулась через стойку, понизив голос до заговорщицкого шепота.

— Там будет он. Тот самый гонщик.

— Ого, какое удивительно точное описание, — я иронично приподняла бровь. — Их там, наверное, всего один на весь город?

— Он водит серебристую «Хонду» и, что самое крутое, почти никогда не улыбается. Только перед самым стартом.

— Возможно, у него просто нервный тик или защемление лицевого нерва, — заметила я, переставляя стаканы.

— Элла, ты просто не понимаешь, как он прекрасен!

— Ты говорила то же самое про того бармена из «Луны», помнишь?

— Ну, бармен оказался женат, это была досадная случайность, — Снежана пожала плечами.

— Вот это да, — парировала я. — У него, кажется, было двое детей.

— А вот это уже действительно весомый аргумент, признаю, — Снежана закатила глаза и обречённо вздохнула. — Но сейчас я нашла мужчину с настоящим бензином вместо крови.

— Мой тебе совет, срочно посети токсиколога, — я снова принялась за стойку.

— С тобой просто невозможно нормально говорить о чувствах! — Снежана всплеснула руками.

— Почему это? Я очень чувствительная. Например, прямо сейчас я чувствую, как управляющий вычтет из моей зарплаты стоимость той сахарницы, которую ты только что едва не смахнула со стола.

Снежана испуганно посмотрела на локоть, где сахарница опасно наклонилась к краю и осторожно отодвинула её пальцем.

— Я ничего не разбила, видишь?

— Вот видишь, ты взрослеешь на глазах, — я усмехнулась.

— Тебе просто нужно выбраться из этой кофейной тюрьмы, Элла. Это же каторжный труд.

— В настоящей тюрьме платят меньше, поверь мне.

— Зато там не заставляют носить этот нелепый фартук с надписью «Начни день со счастья», — Снежана с насмешкой указала на мою грудь.

Я посмотрела на жёлтые буквы и тяжело вздохнула. Снежана вдруг смягчилась, и её взгляд стал серьёзным.

— Сколько ты уже накопила на своём секретном счету?

— Недостаточно, — тихо ответила я.

— Для чего именно?

— Для всего, — я не хотела произносить это вслух, но в голове был чёткий чписок. На съём маленькой комнаты, на еду, на учёбу, которую я выберу сама, а не по методичке отца. На жизнь, где никто не будет объявлять мои решения перед гостями, как приговор.

Снежана задумчиво постучала ногтями по стойке.

— Твой отец тебя просто уничтожит, если узнает об этом месте.

— Сначала он спросит, почему я выбрала кофейню, которая не входит в его сеть, а потом уже уничтожит, — я постаралась пошутить, но голос дрогнул.

— Я серьёзно, Элла.

— Я тоже.

Она помолчала, глядя на меня, а затем решительно хлопнула ладонью по поверхности.

— Тогда гонки тебе просто необходимы. Если ты всё равно ведёшь тайную жизнь, сделай её хотя бы интересной, а не просто «кофе и английский». Так такая классная тусовка!

— Мне и так хватает адреналина, когда мама звонит мне прямо во время смены, — явным образом намекая на конец разговора.

— Всего один раз, Элла! Один раз!

— Ты говорила так же перед нашей поездкой на заброшенный пирс.

— Ну, мы же почти не упали в воду!

В этот момент за окном оглушительно взревел двигатель, и разговоры в кофейне на мгновение стихли. К тротуару медленно подкатила старая чёрная БМВ. Это не была вылизанная машина из коллекции, а настоящий зверь с глубокими царапинами на дверях и тяжёлым, утробным рыком под капотом.

Водитель заглушил мотор, и из салона вышел парень в тёмной футболке с курткой, небрежно переброшенной через плечо. Он открыл заднюю дверь, и на тротуар легко спрыгнул массивный ротвейлер. У меня внутри всё просто рухнуло. Я узнала собаку раньше, чем её хозяина. Тот же мощный корпус, те же внимательные, почти человеческие глаза. Пёс сел возле ноги Марка и посмотрел прямо на окно кофейни.

— Ой, — выдохнула Снежана, выпрямляясь.

— Что ещё «ой»? — я замерла, чувствуя, как сердце начинает биться где-то в горле.

— Это Марк.

— Ты его знаешь?

— Все знают Марка. Он лучший в городе по части починки машин, иногда участвует в заездах и обычно вообще не разговаривает с людьми, если может выразить всё своё мнение одним взглядом.

— Потрясающе развитый навык общения, — прошептала я, медленно снимая фартук и пряча его под стойку. — Где здесь чёрный выход?

Снежана уставилась на меня с искренним недоумением.

— Погоди, ты знакома с Марком?

— Нет.

— Тогда почему ты внезапно решила сбежать через заднюю дверь?

— Я не бегу, Снежа. Я просто хочу хоть что-то поменять в своей жизни. Зашла через парадную дверь, а выйду через заднюю.

— Ага, рассказывай, — протянула с недоверием мне Снежана.

Парень снаружи не двигался. Теперь я разглядела его лучше, чем в ту ночь в лесу. Тёмные волосы, спокойное, почти отрешённое лицо и руки, испачканные в машинном масле. Он выглядел так, словно совершенно случайно оказался здесь, но смотрел он точно на меня.

— Это он был в ту ночь, — тихо сказала я, чувствуя, как холод пробирается под кожу.

Веселье мгновенно исчезло с лица Снежаны.

— После пожара?

— Он видел меня возле дома и видел копоть на руках.

— Может, он просто не узнал тебя в том хаосе?

Марк наклонился и что-то тихо сказал Бруту. Пёс остался сидеть, а сам он сделал несколько уверенных шагов к окну.

— Узнал, — решила я.

— Откуда ты...

Будто отвечая на её вопрос, Марк медленно сунул руку в карман куртки. Я перестала дышать, вжавшись в стойку. Он достал тонкую цепочку, и белые камни мгновенно поймали

свет неоновой вывески. Мамино ожерелье, то самое, пропажу которого семья списала на суету во время пожара.

Марк поднял украшение, глядя мне прямо в глаза через стекло, и на его губах появилась едва заметная усмешка.

— Ну вот, — прошептала Снежана, — похоже, твоя тайная жизнь только что пришла за кофе.

Глава 3

Марк завалился в кофейню за двенадцать минут до закрытия. Я посмотрела на часы, потом на него и в ту же секунду возненавидела всех людей мира, которые приходят в заведение за двенадцать минут до конца смены. Особенно тех, кто носит в кармане неопровержимое доказательство моей маленькой тайны. Снежана, которая до этого пыталась слиться с интерьером, сползла со стула и встала рядом, принимая максимально храбрый вид, хотя за сахарницей она пряталась так неубедительно, что это даже было смешно.

Брут остался у двери, сев на коврик и уставившись на меня тем самым взглядом, с каким охранники в бутиках смотрят на подростков, заранее решивших что-нибудь спереть.

Марк подошёл к стойке и вальяжно положил на неё ладонь. Я заставила себя не отступить ни на сантиметр, вперившись в него глазами.

— Мы почти закрываемся, если ты вдруг не заметил, — отрезала я, стараясь, чтобы голос не дрогнул.

— Я вижу время, Элла, — спокойно ответил он, даже не взглянув на меня.

— О, отличное начало! Ещё немного практики в чтении циферблатов, и можно будет попробовать перейти к меню, — ядовито улыбнулась я.

Уголок его рта дрогнул. Вблизи Марк выглядел старше, чем запомнился мне в лесу, и дело было даже не в лице, а в этом пугающем спокойствии. Слишком уравновешен для парня, который гоняет на старой БМВ, таскает с собой ротвейлера и коллекционирует чужие фамильные драгоценности.

— Чёрный кофе, — коротко бросил он.

— И это всё? Никакого сиропа, пенки или какой-нибудь безумной добавки? — я с недоумением сняла с кофемашины чистую чашку.

— Тебя так сильно разочаровал мой выбор? — он наконец посмотрел на меня, и в его глазах заплясали смешинки.

— Просто подозрительно скучный заказ для человека, который так отчаянно старается произвести впечатление, — парировала я, включая машину.

— Я берегу все свои разочарования для этапа близкого знакомства, — Марк чуть наклонил голову, изучая мою реакцию.

— Понятно. Судя по твоему корыту на парковке, лишние средства у тебя действительно в дефиците.

Снежана издала странный звук, что-то среднее между подавленным кашлем и икотой. Я бросила на неё короткий взгляд, и она тут же приложила палец к губам, хотя молчать следовало скорее мне. Марк лениво посмотрел через плечо на свою БМВ.

— Зато она ездит, в отличие от некоторых статусных памятников, — заметил он.

— Уверена, это очень утешает тех бедолаг, которые случайно оказываются у неё на пути, — я поставила чашку под струю кофе.

— Обычно они успевают отойти в сторону, — он говорил ровно, без капли раздражения, и это выводило меня из себя. Я привыкла к мужчинам, которых можно сбить с толку одной колкостью. Они либо начинают оправдываться, либо злиться, либо вываливать список своих достижений. Марк же просто ждал, пока я сама загоню себя в угол своим же ядом.

Я отвернулась, чтобы скрыть раздражение, но тут он произнёс за моей спиной:

— Кстати, красивые серьги.

Моя рука замерла на рычаге. Те самые. Белые камни из комплекта с ожерельем. Мать заставила меня надеть их утром, а я в спешке забыла снять перед сменой. Просто аплодисменты моей гениальной предусмотрительности. Я медленно повернула голову, стараясь вернуть лицу выражение ледяного безразличия.

— Спасибо. Но дешёвые приёмы с комплиментами обычно используют люди, которым больше нечем заинтересовать девушку, — я постаралась звучать максимально скучающе.

— Хорошо, что я пришёл не знакомиться, — Марк снова скользнул взглядом по серьгам. — Кажется, у меня есть вещь, которая идеально дополнит твой комплект.

Я дрожащей рукой подала ему кофе, который был обжигающе горячим, но Марк сделал глоток и даже не поморщился. Это раздражало ещё больше. Да что с ним не так! Нормальный человек должен был хотя бы задуматься, но он опустил чашку на стойку и медленно сунул руку в карман куртки. Я приготовилась увидеть ожерелье, и сердце болезненно ёкнуло, когда тонкая цепочка звякнула о дерево. Белые камни блеснули под лампами кофейни, возвращая меня в тот кошмарный день. Мамино ожерелье. Несколько месяцев она вспоминала о нём каждый день, отец допрашивал всю прислугу, но все без толку. Я тогда промолчала, и сейчас от этого воспоминания стало мерзко.

Я потянулась к украшению, но Марк мгновенно накрыл его ладонью.

— Не спеши, — его голос стал чуть жёстче.

— Как ты его ещё не продал? — я посмотрела на его руки, испачканные машинным маслом. — Или ломбарды теперь требуют справку об отсутствии совести?

— Не знаю. Я туда не заходил, — он убрал ладонь, но прежде чем я успела схватить цепочку, ловко подцепил её пальцами и снова спрятал в карман. — Ты поедешь со мной на гонку, — это прозвучало не как предложение, а как приговор.

Я несколько секунд молча смотрела на него, пытаясь осознать наглость этого заявления.

— Это был вопрос? — уточнила я.

— Нет.

— Тогда ответ тоже «нет».

— Участники договорились приехать с девушками, и я не собираюсь давать им повод считать, что проиграл спор ещё до старта, — он пожал плечами, будто речь шла о походе за хлебом.

Я не выдержала и нервно рассмеялась.

— Подожди. Ты сейчас серьёзно шантажируешь меня фамильным ожерельем только потому, что в вашем мужском клубе задетого самолюбия принято привозить с собой аксессуар в виде девушки?

— Если сказать коротко, то да, — он спокойно допил кофе.

— Потрясающе. А я-то боялась, что причина окажется глупой.

— Не всем же поджигать дома из идейных соображений, — заметил он, и у меня перехватило дыхание.

Снежана, которая до этого пыталась слиться с обоями, резко выпрямилась.

— Вообще-то проводка была старая! — выпалила она, пытаясь спасти ситуацию.

Мы с Марком одновременно посмотрели на неё.

— Что? — Снежана растерянно пожала плечами. — Ну, я просто поддерживаю официальную версию.

— Дом построили четыре года назад, — заметил Марк, приподняв бровь.

— Проводка быстро повзрослела, — отрезала я, чувствуя, как краснею. — Тяжёлые условия жизни, стресс, депрессия.

Марк снова перевёл взгляд на меня. Насмешка осталась прежней, он внимательно на меня посмотрел.

— Так ты едешь?

— Ты всегда приглашаешь девушек на свидания с помощью угроз и краж? — я скрестила руки на груди.

— Только тех, которые замешаны в грязных тайнах своей семьи.

Я дёрнулась, прежде чем успела взять себя в руки. Внутри мгновенно стало холодно, и я поняла, что он это заметил.

— Это не свидание, не переживай, — добавил он, видя мою реакцию.

— Я и не переживаю. Для свидания нужны двое заинтересованных людей, а не девушка и уголовное дело с плохой стрижкой.

Он задумчиво провёл ладонью по волосам. Снежана закрыла лицо рукой, но я видела, что она едва сдерживает улыбку.

— Я могу заплатить за ожерелье, — я вернулась к сути. — Назови сумму, и мы разойдёмся.

— Не можешь.

— Ты не знаешь, сколько у меня денег.

— Знаю, сколько зарабатывают здесь за смену. И примерно представляю, сколько ты успела спрятать от родителей в своих заначках.

Я сжала край стойки так, что побелели костяшки.

— Откуда ты вообще знаешь о моих родителях?

— Ты выбежала из их дома в платье, которое стоит как половина моей машины.

— Судя по машине, это не очень дорогое платье, — парировала я.

— Видишь? Уже начинаешь считать, — подмигнул Марк.
Мне хотелось швырнуть в него чашкой, а лучше всей кофемашиной вместе с зернами.

— Деньги меня не интересуют, — продолжил Марк. — И откуда у меня ожерелье, я обсуждать не собираюсь.

— Я прекрасно знаю, откуда оно у тебя.

— Тогда один вопрос мы закрыли.

— Ты нашёл его в лесу и решил оставить себе, чтобы использовать как рычаг давления.

— А ты решила что-то сжечь и едва не оставила семью без крыши над головой. У всех бывают неудачные вечера, Элла.

Он говорил без нажима, будто мы обсуждали погоду, а не мой поступок. Если бы Марк угрожал прямо, мне было бы проще, я бы назвала его деревенщиной и вызвала полицию. Но он не требовал денег и не пытался напугать. Он просто раскладывал факты, как карты, и позволял мне самой представить последствия.

— Я никуда с тобой не поеду, — твёрдо сказала я.

— Хорошо.

Он поставил пустую чашку на блюдце и достал телефон, чтобы оплатить заказ. Его согласие оказалось хуже любой угрозы.

— И это всё? Ты так легко сдаёшься?

— Я не сдаюсь, — он приложил телефон к терминалу, и раздался короткий сигнал. — Просто твои родители вряд ли знают, что по вторникам и четвергам ты работаешь в кофейне.

Я почувствовала, как кровь прилила к лицу. Только не это!

— Ах ты…

— Я?

— Дикарь, шантажист и неотёсанный грубиян!

Марк на секунду задумался, будто анализируя список.

— Выбери что-нибудь одно. Мне тяжело соответствовать сразу трём характеристикам.

— Остановимся на шантажисте. Остальное у тебя получается без подготовки.

— Хорошо, спорить не буду.

Снежана фыркнула и тут же сделала вид, будто закашлялась.

— Тебе весело? — я повернулась к ней.

— Мне страшно! — быстро ответила она. — У меня от страха всегда чувство юмора обостряется.

— У тебя оно должно было уже пробить потолок от такого стресса.

— Не ссорьтесь из-за меня, — вмешался Марк, забирая чек и аккуратно складывая его пополам. Этот жест почему-то окончательно вывел меня из равновесия.

— Ты следил за мной?

— Нет.

— Тогда откуда знаешь расписание?

— Я несколько раз видел тебя здесь.

— И каждый раз случайно?

— Если тебе станет легче, можешь считать это судьбой, — Марк усмехнулся, и продолжал смотреть на меня.

Я посмотрела на дверь, за которой сидел Брут, потом на Снежану. Та едва заметно кивнула, словно убеждая меня согласиться. Конечно, для неё эта гонка была приключением, а для меня шансом вернуть ожерелье и открыть десять новых способов погибнуть.

— Хорошо, — выдохнула я. — Я поеду с тобой.

Элла

Глава 4

Снежана просияла, а Марк даже не изменился в лице, что было просто оскорбительно.

— Но у меня есть условия.

— Ну разумеется, — медленно протянул парень.

— Ты не прикасаешься ко мне без разрешения, — твёрдо произнесла я. — И возвращаешь ожерелье сразу после гонки.

Насмешка в его взгляде на секунду погасла, сменяясь чем-то серьёзным.

— Договорились.

— И после этого больше не вмешиваешься в мою жизнь.

— А разговаривать с тобой можно?

— Только при крайней необходимости.

— Значит, молчать всю дорогу придётся тебе, — он снова улыбнулся.

— Почему это?

— Я за рулём. Мне можно сообщить только то, что мы сейчас врежемся.

— Очень успокаивающая перспектива, — хмыкнул он.

— Зато честная.
Он согласился слишком легко, и я сразу пожалела о каждом своём слове.

— И ты просто принимаешь условия? Даже не будешь спорить?

— Ты расстроена тем, что я не сопротивляюсь? — засмеялся Марк.

Я прищурилась.

— Почему ты так уверен, что я не передумаю?

Марк посмотрел на меня долго и внимательно, без тени улыбки.

— Люди чаще нарушают обещания, данные другим, чем самим себе. Ты уже решила, что поедешь. Осталось убедить себя, будто тебя заставили.
Я открыла рот, чтобы ответить, но тут же закрыла его. Он попал слишком точно, и это разозлило сильнее любого шантажа.

— Я еду не ради тебя, — буркнула я. — Ради Снежаны. Она потеряла голову от твоего приятеля на серебристой «Хонде», и кто-то должен проследить, чтобы она не легла под колёса в попытке познакомиться.

— Благородно, — кивнул Марк. — Особенно если учесть, что Снежана пока об этом не просила.

Подруга подняла руку.

— Я могу попросить сейчас, если это поможет!

— Не помогает, — отрезала я.

— Я старалась! — обиженно воскликнула Снежана.
Я снова посмотрела на Марка.

— Ты подслушиваешь чужие разговоры?

— Нет. Люди сами рассказывают достаточно, если не торопиться задавать вопросы. А ещё мне нравится, когда ты злишься.

Я хотела уже что-то возразить, но его фраза прозвучала слишком взрослой для парня, который только что признался в участии в нелепом споре гонщиков. За небрежностью скрывалась привычка наблюдать, а за короткими ответами прятался ум, который он использовал как нож. Среди знакомых отца я встречала образованных мужчин, которые любили говорить сложными словами, чтобы все заметили стоимость их дипломов. Марк говорил просто, но слу-

шал так, словно разбирал человека на детали и сразу понимал, какую из них можно не ставить обратно.

Марк перевёл взгляд на Брута, тот оперившись массивными лапами открыл дверь и вошёл, а потом Марк снова посмотрел на меня.

— Марк, — предупредила я.

— Он тебя не тронет.

— Все владельцы собак говорят это за секунду до фразы: «Странно, раньше он никого не ел».

— Брут хорошо воспитан.

— В отличие от хозяина?

— Кто-то в семье должен поддерживать репутацию.

Пёс остановился рядом со мной и обнюхал пальцы. Я замерла, боясь пошевелиться. Брут ещё раз втянул воздух, затем неожиданно сел у моей ноги и прижался боком к стойке.

— Что он делает? — шёпотом спросила я.

— Сидит, — ответил Марк.

— Спасибо. Без тебя я бы решила, что он исполняет балет.

— Ты ему понравилась.

Я осторожно опустила руку, и Брут ткнулся носом в ладонь, требуя внимания. Пришлось погладить его между ушами. Шерсть оказалась жёсткой, а сам пёс прикрыл глаза с таким довольным видом, словно всё это время приходил в кофейню именно за мной. Когда я подняла голову, Марк уже не улыбался. Впервые за весь разговор его спокойная маска дала трещину.

— Что? — спросила я.

Марк сунул руки в карманы.

— Ничего.

— Тогда забери своего детектора лжи. Мне ещё закрывать кофейню.

Он тихо свистнул, но Брут не сдвинулся с места. Снежана расплылась в улыбке.

— Кажется, он выбрал Эллу.

— Предатель, — негромко сказал Марк псу.

Брут поднял голову, посмотрел на него и остался на месте. Я не удержалась:

— Хорошо воспитан, говоришь?

— До сегодняшнего вечера я в это верил.
Наконец Марк взял его за ошейник, и Брут нехотя поднялся.

— В десять будь готова, — бросил Марк.

— Завтра?

— Сегодня.

— Я заканчиваю смену только в десять.

— Значит, ждать не придётся.

— Ты заедешь сюда?

Он открыл дверь, и в кофейню ворвался прохладный воздух набережной.

— Нет. За тобой, это немного разные вещи.

Я нахмурилась. Дверь со звоном закрылась. Через стекло я увидела, как он направился к машине, а Брут дважды оглянулся на меня.

— Это было романтично, — мечтательно протянула Снежана.

— Это было уголовно наказуемо.

— Иногда грань между этими понятиями очень тонкая.

— Между романтикой и уголовным делом грань называется Уголовным кодексом. Запомни это раз и навсегда

За окном ожила чёрная БМВ, прорычав пару раз на холостых и мигнула фарами. Марк взглянул на меня через лобовое стекло и тронулся с места. Я всё ещё не знала, откуда ему известен мой адрес, зачем я ему понадобилась и почему Брут вдруг забыл о хозяине. Знала только одно: в десять Марк действительно приедет. И хуже всего было то, что я уже собиралась его ждать.

Марк и Брут

***

За час до десяти я успела придумать семь способов, как сбежать от поездки с Марком. Первый — внезапно свалиться с лихорадкой. Второй — вызвать полицию. Третий, самый изысканный — вызвать полицию и в этот же момент заболеть, чтобы не объяснять ментам, почему я еду на гонки с человеком, который шантажирует меня моим же фамильным ожерельем. Остальные варианты были ещё хуже, но я всё равно продолжала их перебирать в голове, словно это могло помочь.

— Можно просто не выходить, — предложила я, с грохотом запирая кассу. — Он подождёт, поймёт намёк и уедет в закат, желательно в другую сторону.

Снежана, глядя в экран телефона, сосредоточенно красила губы. Для девушки, которая собиралась провести ночь в пыли, среди рёва моторов и людей с отсутствующим инстинктом самосохранения, она выглядела подозрительно счастливой.

— Марк не из тех, кто понимает намёки, Элла, — заметила она, не отрываясь от зеркальца.

— Марк вообще не понимает слова «нет», если оно не произнесено с угрозой вызвать спецназ.

— Он понял, просто не согласился с твоим мнением, — Снежана наконец посмотрела на меня с этой своей невыносимой ухмылкой. — Ты сейчас на чьей стороне?

— На своей, конечно! А ты? — переспросила я.

— На твоей, разумеется. Но ещё немного на стороне ночного веселья и дерзких парней. Одна ночь вне правил ещё никого не убила, так что расслабься.

— Конечно, — я скептически выгнула бровь. — Особенно убедительно эта фраза звучит перед стартом нелегального заезда. Снежа, люди всегда «просто смотрят» ровно до того момента, пока им не предлагают подержать руль, бутылку виски или окровавленное полотенце. А ты умеешь превратить любую вечеринку в сводку происшествий из криминальной хроники.

— Это называется реализм, дорогая, — парировала она.

Я сняла фартук и переоделась в подсобке, стараясь не думать о том, что сейчас произойдёт. Когда я проверила телефон, сердце пропустило удар, там были три пропущенных от мамы.

— Что случилось? — Снежана мгновенно стала серьёзной, заметив моё лицо.

— Мама звонила.

— Скажи, что была на дополнительных занятиях.

Я отмахнулась от неё и набрала номер.

— Привет, мам, — мой голос звучал слишком натянуто.

— Наконец-то. Элла, почему ты не отвечала? — Голос Ангелины Сергеевны был пугающе мягким. Это было гораздо хуже обычного раздражения. Если отец просто давил массой, то мама сначала заботливо заворачивала давление в кружева, а потом медленно затягивала узел на моей шее.

— Телефон стоял на беззвучном, мы тут готовим проект по английскому, — я соврала так уверенно, что Снежана рядом беззвучно показала мне большой палец. Видимо, масштаб моей фантазии её впечатлил.

— Я думала, мы проведём вечер вместе, — продолжила мама, и я буквально почувствовала, как она поправляет идеальную складку на скатерти. — Отец задерживается, я заказала ужин. Ты совсем перестала бывать дома.

На мгновение мне стало по-настоящему стыдно. Я представила её одну за этим длинным столом, где тарелки расставлены с точностью до миллиметра. Но потом вспомнила, что «вечер вместе» — это кодовое название для лекции о Лондоне, моих ужасных манерах и сыне Аркадия, который, скорее всего, уже вписан в мой жизненный план как будущий супруг.

— Сегодня не получится, мам. У нас ночная подготовка, участники из разных часовых поясов, — я чувствовала, как вру на ходу, и это было почти физически больно.

— Ты слишком тщательно подбираешь слова, — после долгой паузы заметила мама. — Так бывает, когда ты пытаешься скрыть правду.

Я прикусила губу. Иногда я забывала, что до брака с отцом мама жила своей жизнью и умела видеть людей насквозь.

— Я не вру, просто... — я запнулась, чувствуя, как разговор превращается в допрос. — Мне пора, мам. Люблю тебя.

Я отключилась первой, чувствуя себя последней дрянью. Несколько секунд я просто смотрела на погасший экран, пытаясь вернуть себе равновесие.

— Это было почти убедительно, — осторожно заметила Снежана.

— «Почти» сегодня мой главный спутник.

— Ты правда вернёшься домой?

— Если выживу после общения с этим психопатом на колёсах.

— Вот видишь, уже появились планы на будущее! — Снежана вдруг схватила меня за руку, её глаза засияли. — Он приехал!

В её голосе было столько восторга, будто к кофейне приземлился личный вертолёт шейха, а не старая БМВ. Она прилипла к окну, едва не оставив на стекле след от помады.

— Господи, почему некоторые мужчины выглядят так чертовски хорошо, когда вообще не стараются? — прошептала она.

Я подошла к стеклу. Чёрная БМВ замерла у тротуара с выключенными фарами, а Марк прислонился к капоту, скрестив руки на груди. Брут сидел рядом, и при виде меня пёс тут же вскочил, с энтузиазмом ударив хвостом по металлической двери.

— Даже собака рада тебя видеть, — усмехнулась Снежана.

— Она просто ещё не знает меня достаточно хорошо, чтобы испытывать отвращение.

— Судя по всему, Брут понимает в людях больше нас обеих.

***

На набережной Новороссийска сегодня было особенно прохладно. Марк оттолкнулся от капота и, даже не глядя на нас, проверил часы.

— Две минуты десятого. Ты опаздываешь.

— Можешь записать эти две минуты на мой счёт, — ответила я, стараясь звучать максимально равнодушно.

Его взгляд медленно скользнул по моей кожаной куртке, джинсам и грубым ботинкам. Он явно одобрил мой наряд.

— Подготовилась.

— Я просто решила, что бежать от полиции на каблуках будет плохой идеей.

— От полиции бегают только виновные, — он едва заметно улыбнулся.

— Именно поэтому я планирую держаться рядом с тобой. На твоём фоне я буду выглядеть как святая, и меня просто не заметят.

Снежана тихо простонала, закатив глаза:

— Вы можете хотя бы сесть в машину, прежде чем начнете этот сеанс взаимного уничтожения?

Марк открыл заднюю дверь для Брута, и пёс с радостным фырканьем занял почти всё сиденье. Я обошла машину, придирчиво рассматривая царапины на кузове.

— Теперь понятно, почему ты не продаёшь ожерелье. Боишься, что если вложишь деньги в эту колымагу, она просто не переживёт такого потрясения.

— Не называй её «колымагой» таким тоном, — предупредил меня Марк обиженным голосом.

— Прости. Следовало сказать «участница боевых действий с ПТСР»?

Марк открыл передо мной пассажирскую дверь, глядя прямо в глаза.

— Садись.

— Она хотя бы безопасна? — спросила я, замирая.

Насмешка мгновенно исчезла с его лица. Он замолчал на секунду, уставившись на меня с лёгким прищуром.

— Да.

— Очень подробное техническое заключение, я в восторге.

— Усиленные тормоза, новая подвеска, каркас, другие ремни, — он вдруг заговорил быстро, почти с жаром. — Я перенёс аккумулятор, чтобы выровнять распределение веса. Передняя ось была перегружена, на входе в поворот машину сносило немного. Теперь сцепление стабильнее.

Я уставилась на него, совершенно не ожидая такого потока технических деталей.

— Ты всё это сделал сам?

— Нет, конечно. Ночью пришли феи-механики. Одна держала ключ, вторая вдохновенно материлась на сорванную резьбу.

Снежана расхохоталась, запрыгивая на заднее сиденье к Бруту.

— Мне уже нравится эта поездка!

— Тебя радуют матерящиеся феи? — уточнила я.

— Меня радует всё, Элла! Там будет Влад.

— Значит, критическое мышление официально покинуло тебя.

Марк сел за руль. Я пристегнулась и, на всякий случай, проверила ремень дважды. Он заметил мою нервозность, но промолчал, что было даже странно.

— Не смотри на «обёртку», если собираешься снова оценивать мой социальный статус, — сказал Марк, заводя двигатель.

БМВ мягко тронулась. Я ждала рывка, визга шин или попытки напугать меня скоростью, но Марк вёл удивительно спокойно. Это даже настораживало. Люди вроде него не должны соблюдать правила — иначе рушилась вся моя удобная система предубеждений о «плохих парнях».

Я вытянула книгу из кармана. На обложке значилось имя Ремарка.

— «Ночь, улица, фонарь, аптека», — произнесла я, надеясь поставить его в тупик.

— Блок, — мгновенно ответил Марк, не отрываясь от дороги. — И дальше там довольно безнадёжное предложение прожить ещё четверть века. Для первой совместной поездки выбор какой-то слишком мрачный.

Я медленно повернула к нему голову.

— Я просто проверяла тебя.

— Я заметил.

— И часто читаешь?

— Когда люди начинают всерьёз надоедать.

— Получается, постоянно.

— Почти.

— Почему тогда никому об этом не рассказываешь?

Марк пожал плечами, и в этом жесте было столько искреннего безразличия, что мне стало почти завидно.

— Люди, которые слишком много говорят о книгах, обычно просто хотят, чтобы их считали умными.

— А ты хочешь, чтобы тебя считали кем?

— Никем. Так меньше обязанностей и никаких ожиданий.

Я вернула книгу на место.

— Удобная позиция. Можно ничего не объяснять и делать вид, что это глубокая философия.

— А можно всю жизнь выполнять чужие планы и называть это ответственностью, — он бросил на меня короткий, пронзительный взгляд.

Я резко выпрямилась.

— Ты ничего не знаешь о моей жизни.

— Знаю, что ты работаешь в кофейне тайком от родителей, врёшь матери и подожгла часть дома, этого для меня достаточно.

— Я не поджигала отцовский кабинет, который мне не нравился, — я почувствовала, как внутри закипает ярость. — Я поджигала план своей жизни.

— Ух ты, подробности появились! Тогда это полностью меняет статью твоего правонарушения. Теперь это уже не хулиганство, а осознанный терроризм.

С заднего сиденья донёсся очередной смешок Снежаны.

— Я здесь, между прочим, не забывайте!

— Мы заметили, — одновременно ответили мы с Марком.

Снежана помолчала, переводя взгляд с одного на другого, и решила, что эта поездка будет куда интереснее, чем она думала.

Глава 5

Я отвернулась к окну. За стеклом тянулись огни набережной. Город ночью казался другим, витрины отражались в мокром асфальте, ветер швырял листья под колёса, редкие прохожие спешили туда, где их кто-то ждал.

— Свобода без ответственности превращается в хаос, — сказала я. — Нельзя просто делать всё, что хочется, и не думать о последствиях.

— Согласен, — коротко бросил Марк.

Я повернулась к нему, искренне не понимая, что сейчас происходит.

— Ты серьёзно? Согласен?

— Не привыкай, Элла, — он даже не посмотрел на меня, сосредоточенно глядя на дорогу.

— Тогда к чему весь этот пафосный образ парня, которому правила мешают дышать? — язвительно уточнила я, скрестив руки на груди.

— Я против не самих правил, а тех идиотов, которые накидывают их на тебя, как ошейник, а потом с доброй улыбкой убеждают, что ты сама выбрала этот поводок, — он наконец взглянул на меня, и в его глазах промелькнуло сочувствие, смешанное с издёвкой.

— Мои родители просто хотят, чтобы у меня было нормальное будущее, — попыталась я защититься, хотя голос прозвучал неубедительно.

— Нормальное для кого? Для них или для тебя? — Марк приподнял бровь, ожидая ответа. Я промолчала, и он удовлетворенно хмыкнул. — Вот именно. Ответственность, которую тебе навязали другие, называется воспитанием только до пяти лет. После восемнадцати это уже просто поводок с бантиком.

— Ты вообще всё сводишь к собакам, — вздохнула я, чувствуя, как моя броня из «правильной девочки» начинает трещать по швам.

— Брут, во всяком случае, на мой стиль общения не жалуется, — усмехнулся он. Пёс, услышав своё имя, тут же высунул массивную голову между сиденьями и с размаху ткнулся мокрым носом мне в плечо, словно подтверждая слова хозяина.

— Он хотя бы в курсе, куда мы прём? — спросила я, вытирая плечо салфеткой.

— Да, — коротко ответил Марк.

— Потрясающе. В этой машине я единственная, кому не сообщили маршрут. Кажется, я здесь в роли беспомощного багажа.

— Ты вполне могла спросить, если бы перестала пытаться выглядеть оскорблённой, — парировал он, плавно входя в поворот.

Снежана, которая до этого молчала на заднем сиденье, громко и страдальчески выдохнула.

— Ребят, я умоляю, либо вы уже перейдёте к делу и перестанете флиртовать, либо делайте это тише. Брут пытается спать, а я пытаюсь морально подготовиться к встрече с Владом, чтобы не впасть в кому от его самомнения.

— Мы не флиртуем! — выпалили мы с Марком одновременно, даже не глядя друг на друг.

Снежана расхохоталась так громко, что Брут недовольно фыркнул и попытался зарыться носом в обшивку сиденья.

— Да-да, конечно, — протянула она, вытирая слёзы. — Совершенно незаметно. Просто искры летят такие, что можно случайно сжечь машину.

— Снежа, если ты сейчас же не замолчишь, я расскажу Владу про того бармена из «Луны», который обещал тебе вечную любовь и бесплатные коктейли, — пригрозила я, хитро прищурившись.

— Это низко, Элла. Даже для тебя, — она картинно прижала руку к сердцу.

— Я просто учусь у профессионала, — я кивнула в сторону Марка.

— Только не втягивай меня в ваши подростковые романтические трагедии, — отозвался он, даже не сбавляя скорость.

— Не переживай. Для настоящей трагедии нужен герой, которому зритель сочувствует, а ты у нас слишком занят тем, что всех бесишь, — я наконец-то улыбнулась, сама не знаю, как так вышло.

Я отвернулась к окну, скрывая довольную ухмылку. Он раздражал меня своей уверенностью и тем, как легко считывал мои эмоции. Но было и кое-что другое, рядом с ним мне не нужно было играть роль «идеальной дочери». Можно было говорить любую чушь, хамить и не бояться, что он побежит жаловаться отцу или ставить мне оценку за приличное поведение.

Через двадцать минут город с его правильными улицами остался позади. Мы свернули к старому порту, проехали вдоль обшарпанного бетонного забора и вынырнули на широкую площадку, зажатую между огромными складами. Меня сразу ударило волной тяжёлой музыки и запахом жжёной резины. В темноте горели десятки фар, создавая какой-то сюрреалистичный свет. Люди толпились у машин, громко спорили, передавали друг другу банки с энергетиками. Воздух буквально дрожал от рёва моторов. Кто-то лихорадочно проверял давление в колёсах, кто-то снимал всё на телефон, а у линии старта девушка в короткой куртке что-то яростно объясняла двум парням, которые смотрели на неё с таким видом, будто она читала им лекцию по квантовой физике.

Всё это выглядело непривычно, громко и опасно. Настоящий хаос, который должен был вызвать у меня ужас и желание немедленно вернуться в свою тихую комнату. Но вместо этого я прижалась ладонью к стеклу, стараясь рассмотреть каждую деталь этого безумия.

— Ну что? — спросил Марк, заглушив двигатель. — Уже составляешь в уме список нарушений общественного порядка?

— Пока сортирую их по степени идиотизма, — ответила я, не отрывая взгляда от толпы.

— И как успехи? Кто в топе?

— Ты лидируешь с огромным отрывом, — я наконец посмотрела на него.

— Приятно начинать вечер с победы, — он усмехнулся и открыл замки.

Снежана вылетела из машины, как пробка из бутылки, а Брут выбрался следом, сразу прижавшись к ноге хозяина. Я же замерла на месте, чувствуя, как сердце начинает биться в такт с тяжёлым басом, доносящимся из колонок. Марк обошёл машину и открыл мою дверь.

— Передумала? — спросил он, глядя мне в глаза.

— Надеешься, что я испугалась?

— Просто проверяю твою решимость.

Я вышла из салона, и в лицо мне ударил коктейль из запахов моря, бензина и горячего асфальта. Где-то совсем рядом с нами взревел мотор, и я непроизвольно вздрогнула, отшатнувшись. Марк заметил это движение.

— Держись подальше от дороги, — сказал он неожиданно серьёзно, без всякого сарказма. — Если почувствуешь, что тебе здесь не место, просто скажи мне.

— И ты отвезёшь меня домой? — я с недоверием посмотрела на него.

— Да.

Он произнёс это так просто, без шуток, что мне стало почти неловко. Я привыкла, что за любой «безопасный выход» нужно платить или что-то обещать, а он просто предложил помощь.

— Ожерелье, — вспомнила я, чтобы сменить тему.

Марк достал цепочку из внутреннего кармана куртки и протянул мне. Белые камни холодно блеснули в свете фар. Я почувствовала облегчение и попыталась застегнуть замок, но пальцы предательски дрожали, то ли от холода, то ли от этого безумного шума вокруг. Цепочка дважды выскользнула из рук.

— Дай помогу, — сказал Марк.

Я настороженно подняла взгляд, ожидая, что он сейчас начнёт шутить или снова нарушит моё пространство. Но он не приблизился, а просто стоял и ждал.

— Можно? — спросил он.

Вопрос был таким простым, что я на мгновение растерялась. Ещё вчера мне казалось, что он вообще не признаёт никаких границ, но сейчас он ждал моего разрешения, пока вокруг ревели двигатели, а Снежана уже вовсю махала кому-то возле серебристой «Хонды». Я медленно кивнула.

— Можно.

Я повернулась к нему спиной и подняла волосы. Марк подошёл ближе, и его пальцы коснулись моей шеи почти невесомо. От неожиданности я задержала дыхание. Замок щёлкнул не сразу, и когда костяшки его пальцев случайно задели мою кожу, по спине пробежала настоящая дрожь.

— Холодно? — тихо спросил он прямо мне в затылок.

— Нет.

— Тогда почему ты дрожишь, как осиновый лист?

— От ужаса, конечно. Вдруг ты решишь украсть мои серьги для следующей гонки? — я попыталась вернуть в голос привычную иронию.

— Серьги не подходят к моей куртке, слишком много блеска, — усмехнулся он.

Я обернулась слишком резко и оказалась почти вплотную к нему. Марк не отступил ни на сантиметр. В свете фар его глаза казались почти чёрными, и он смотрел на меня без своей обычной насмешки. На несколько секунд весь этот шум, крики и рёв моторов будто отодвинулись куда-то на задний план. Меня жутко раздражало, что я внезапно начала рассматривать его губы. И ещё сильнее раздражало, что он, кажется, заметил это.

— Готово, — сказал он, отстраняясь.

— Спасибо.

— Не привыкай.

— Ты уже использовал эту фразу сегодня, — я попыталась восстановить дыхание.

— Она универсальная, как и моя грубость.

Я хотела добавить что-то ещё, но чьи-то руки внезапно обвили шею Марка.

— Наконец-то ты приехал! — воскликнула девушка, появившаяся из ниоткуда с такой уверенностью, будто она владела всем этим портом, этой ночью и самим Марком.

Она была высокой, с идеально прямыми тёмными волосами и вызывающе красной помадой. Девушка прижалась к нему и подчёркнуто медленно поцеловала в щёку. Марк совершенно спокойно снял её руки со своих плеч.

— Привет, Диана.

— Я уж думала, ты опять явишься в своём привычном одиночестве, — она улыбнулась и только потом, словно вспомнив о моём существовании, перевела взгляд на меня.

Её глаза быстро просканировали мою одежду, лицо и, наконец, замерли на ожерелье. Я почувствовала резкий укол раздражения, который был совершенно необоснованным. Марк мог целоваться с кем угодно, шантажировать кого угодно и приглашать на свидания всех подряд. Последнее было даже желательно, тогда у него было бы меньше времени, чтобы выносить мне мозг. Диана выглядела так, будто была частью его мира.

Я посмотрела на Марка, стараясь, чтобы голос звучал равнодушно.

— Так вот зачем тебе понадобилась именно я? Для массовки?

— Я уже объяснил зачем.

— Конечно. Мужской спор, великая трагедия, драма в трёх актах.

— Ревнуешь? — спокойно спросил он, глядя на меня с явным удовольствием.

— Тебя? Боже упаси.

— Хороший вопрос. Можешь взять паузу и подумать об этом, — он едва заметно улыбнулся.

— Я скорее ревную Брута. У него хотя бы есть характер, в отличие от некоторых, — я кивнула на пса. Брут как раз сел между нами, будто решил принять этот сомнительный комплимент на свой счёт.

Диана прищурилась, и её улыбка стала напоминать лезвие бритвы.

— Марк, ты нас так и не познакомил.

— Элла, это Диана. Диана, это Элла.

— Исчерпывающе, — отрезала я. — Теперь мы знаем друг о друге всё необходимое для составления взаимных завещаний.

Диана просто проигнорировала мой выпад. Она снова посмотрела на цепочку, а затем перевела взгляд на Марка.

— Симпатичная вещь. Но совсем не в твоём стиле.

— Наблюдательно, как всегда, — ответил он.

— Я просто удивлена.

Она приблизилась на полшага и коснулась пальцем одного из белых камней. Я мгновенно отстранилась, чувствуя, как внутри всё сжимается. Диана заметила это и коротко усмехнулась.

— С каких это пор ты даришь семейные реликвии случайным девочкам? — её голос звучал почти издевательски.

Марк посмотрел на меня, и в его глазах снова вспыхнуло то самое опасное веселье. Я поняла, что ответ мне не понравится, ещё до того, как он открыл рот.

Глава 6

— С каких это пор ты даришь семейные реликвии случайным девочкам? — Диана улыбалась, но каждое слово было аккуратно заточено, как скальпель.

Я невольно коснулась ожерелья. Камни всё ещё хранили тепло пальцев Марка, и в этот момент мне до смерти захотелось сорвать цепочку и швырнуть её ему в лицо.

— Я ничего ей не дарил, — спокойно ответил он, даже не взглянув на неё.

— Ну, так даже легче, — я перехватила инициативу, стараясь, чтобы голос не дрожал. — Значит, я не «случайная девочка», а заложница и вещь мне вернули на время.

Диана прищурилась, медленно сканируя меня взглядом, словно пыталась понять, из какого отдела магазина я сбежала.

— Заложница? — переспросила она с явным сомнением.

— У неё странное чувство юмора, — вмешался Марк, и в его голосе послышалась тень чего-то похожего на иронию.

— Мой юмор в полном порядке, — парировала я, скрестив руки на груди. — Просто решения у меня иногда странные. Например, приехать в это место.

— Тебя ведь никто не заставлял, — бросил он и подмигнул.

Я замерла и уставилась на него. Где-то рядом взревел мотор, толпа взорвалась свистом, музыка ударила по ушам, но слово «никто» я услышала отчётливо. В моей голове оно прозвучало как издевательство.

— Повтори, — попросила я, понизив голос. — Медленно. Хочу запечатлеть момент, когда шантажист внезапно решил переписать историю нашего знакомства в сторону благородства.

Марк прищурился, но ответить не успел, Диана снова положила ладонь ему на предплечье, указывая на право собственности.

— Не обращай внимания, милая, на гонках все нервничают, — она говорила мягко, но в глазах не было ни капли тепла. — Помнишь, Марк, как мы ездили на северную трассу? Я тогда тоже чуть не сорвалась перед стартом, помнишь?

— Ты не участвовала в заезде, — сухо отрезал он, даже не глядя на её руку.

— Но я была рядом с тобой, — Диана провела пальцами по его рукаву, и от этого жеста мне стало тошно.

Разумеется, исключительно из принципа. Мне просто не нравилось, когда меня втягивали в чужие недоигранные драмы без прививки от бешенства.

— Северная трасса, — продолжала Диана, буквально гипнотизируя Марка. — Ты тогда выиграл у Влада почти корпус. А потом мы до рассвета катались по городу. Помнишь?

— Помню, — коротко бросил он.

Она улыбнулась так, будто между ними сейчас пронеслось целое гора секретов, к которым мне доступ был строго запрещён. Марк осторожно, но решительно убрал её руку.

— Диана, хватит.

— Что именно? — она захлопала ресницами, изображая крайнюю степень невинности. — Я просто вспоминаю хорошие времена.

— Делай это про себя, — в его голосе наконец-то прорезалось раздражение.

Но уходить Диану он не попросил, и это злило меня сильнее всего. Я сделала шаг назад, чувствуя, как внутри закипает глухое раздражение.

— Потрясающая встреча выпускников, — саркастично заметила я. — Мне, пожалуй, пора. Не хочу мешать вам листать семейный фотоальбом с подписями «было круто».

Марк мгновенно перевёл взгляд на меня.

— Стой.

— Это приказ? — я вскинула бровь.

— Просьба, пока что, — снисходительно сказал он.

— Над интонацией ещё поработай, а то звучит как требование, — я развернулась и пошла к бетонному ограждению, подальше от этой женщины, её красной помады и отчаянного желания пометить территорию.

Марк догнал меня через пару шагов. Брут попытался двинуться следом, но хозяин коротко велел ему остаться, и пёс послушно замер.

— Элла.

— Не сейчас, — я даже не обернулась.

— Нет, именно сейчас.

Я резко остановилась и повернулась к нему. Ветер швырнул волосы мне в лицо, и я с раздражением заправила их за ухо, глядя на него снизу-вверх.

— У тебя, оказывается, есть Диана, — констатировала я.

— Это диагноз или обвинение? — Марк наклонил голову, изучая моё лицо.

— Это факт. Она выглядит очень «твоей», особенно когда виснет на тебе и делится воспоминаниями о совместных рассветах.

— Тебя это задело? — в его глазах вспыхнуло опасное любопытство.

— Меня задело другое. Ты соврал, — я ткнула пальцем в его сторону. — Ты сказал, что тебе нужна спутница для спора, что так договорились участники. Но ты мог позвать Диану! Судя по её виду, она бы приехала сюда ещё неделю назад и ждала бы тебя у стартовой линии с полотенцем и водой.

— Мог, — коротко ответил он, и этот ответ выбил из меня весь подготовленный гнев.

— Что? Тогда зачем ты притащил меня?

— Ты согласилась.

— После твоего шантажа!

— После долгой лекции о моей причёске, машине и полном отсутствии нравственных качеств, — Марк наконец-то усмехнулся и сложил руки на груди.

— Не уходи от ответа, ты буквально стоишь и молчишь!

— Наконец-то точное наблюдение, — он сделал шаг ко мне, перекрывая дорогу.

Он не касался меня, потому что условие о «никаких прикосновений» он соблюдал с пугающей точностью, и от этого злиться на него становилось только сложнее.

— Почему тебя так волнует Диана? — тихо спросил он.

— Меня не волнует Диана. Я просто возмущена нарушением условий сделки.

— Какое условие я нарушил? — Марк смотрел на меня в упор, и я вдруг осознала, что загнала себя в угол. Формально, он был прав. Пункта о «бывших девушках» в нашем договоре не было, потому что час назад я и представить не могла, что они будут меня так бесить.

— Ты скрыл важную информацию! — попыталась я выкрутиться. — Что спутница тебе не требовалась.

— Ошибаешься, требовалась, — спокойно произнёс Марк.

— Но не обязательно я.

— Обязательно ты, — выпалил он, пытаясь унять мою истерику.

Я замолчала, пытаясь понять, издевается он или снова расставляет свои словесные ловушки. Марк выдержал мой взгляд, и на этот раз в его лице не было ни капли насмешки. Это пугало сильнее любого шантажа.

— Ага! — внезапно раздался голос Снежаны, которая возникла рядом с нами так неожиданно, будто всё это время была замаскирована под бетонный блок. — Я так и знала, что здесь происходит что-то поинтереснее, чем знакомство с друзьями Влада.

— Ты бросила мужчину с бензином вместо крови ради того, чтобы поглазеть на чужую ссору? — я с облегчением переключилась на подругу.

— Ой, Влад уже десять минут спорит о давлении в шинах. Я могу вернуться через час, и он всё ещё будет доказывать кому-нибудь, что два и две десятых — это высокая философия, а не просто цифра.

— Мы не ссоримся, — вставил Марк.

— Конечно-конечно. Вы просто разговариваете на повышенных тонах в пяти сантиметрах друг от друга. У нас в семье это тоже называли «дискуссией», пока соседи не вызвали полицию, — Снежана весело подмигнула мне, но тут же посмотрела через моё плечо. — А Диана всё ещё наблюдает. Она напоминает приложение, которое ты давно удалил, а оно всё равно присылает уведомления.

Я не удержалась и фыркнула.

— Я всё слышу, — холодный голос Дианы заставил Снежану обернуться. — Ты всегда вмешиваешься в чужие разговоры? — процедила Диана.

— Только когда они громче музыки и обещают эпичную драку, — Снежана перевела взгляд на Марка. — Жаль, что драки не будет. Я уже выбрала, на кого ставить.

— На подругу? Как предсказуемо, — Диана скривилась.

— Нет, на Брута. Он здесь единственный, кто способен закончить любой конфликт одним укусом.

Пёс, услышав своё имя, насторожил уши, и Диана благоразумно отступила на полшага. Я попросила Снежану найти Влада, и та, наконец-то ушла, напоследок посоветовав Диане «перезагрузить систему».

— Марк, нам нужно поговорить, — Диана снова повернулась к нему, её голос стал жёстким.

— Не сейчас, — бросил через плечо Марк, при это он не сводил с меня взгляда.

— Ты избегаешь меня уже месяц!

— Это и было ответом, — отрезал он.

Улыбка исчезла с её лица. На секунду я увидела перед собой не самоуверенную стерву, а просто девушку, которую публично отшили.

— Из-за неё? — Диана посмотрела на меня с нескрываемым презрением. — Ты мог позвать кого угодно, но привёз сюда девочку, которая смотрит на всех с высока.

— А это похоже на тусовку светского общества, — ответила я, чувствуя, как внутри поднимается холодная ярость.

— Элла, — предупреждающе произнёс Марк.

— Что? Я просто поддерживаю беседу.

Диана сжала губы, глядя на меня как на инородное тело.

— Она здесь чужая. Зачем она тебе?

Марк взглянул на меня. Вокруг нас кричали люди, мигали фары, музыка била по рёбрам, но всё это вдруг куда-то исчезло. Я ждала его ответ.

— Потому что я её запомнил, — ответил он.

Диана коротко и зло рассмеялась, а я только моргнула.

— Прости, что? Я хочу убедиться, что шум не повредил мне мозг.

— Ты выбежала из горящего дома в вечернем платье, ругалась со мной и угрожала сломанным каблуком. Такое сложно забыть, — Марк смотрел только на меня.

— Значит, всё дело в необычной форме общения? — я попыталась вернуть себе самообладание.

— Не только.

— Как романтично, — вставила Диана, уходя в сторону.

— Я не пытался сделать это романтичным, — бросил Марк. — Ты подожгла собственную клетку, Элла. А когда дверь открылась, испугалась свободы и побежала обратно.

Слова ударили так сильно, что перед глазами вспыхнул кабинет, огонь на шторах и копоть на ладонях. А потом мамины вопросы и отцовская ярость. Я действительно вернулась. Снова надела серьги, села за семейный стол и позволила решать за себя.

— Ты ничего обо мне не знаешь, — тихо сказала я.

— Возможно.

— Тогда не строй из себя великого психолога. Сначала ты шантажом тащишь меня сюда, а теперь заявляешь, что «не мог забыть». Это не признание, Марк. Это просто новая форма издевательства. Отвези меня в город, сейчас же.

***

Я уже собиралась идти к машине, когда за спиной раздался голос, от которого у меня всё внутри оборвалось.

— Вот это встреча.

Возле серебристого внедорожника стоял Артём. Друг моего брата, который считал, что право комментировать мою жизнь выдаётся автоматически вместе с доступом в наш дом. Он держал телефон, направив камеру прямо на меня.

— Удали фотографию, — потребовала я.

Артём ехидно улыбнулся.

— Элла, я сначала решил, что ошибся. Ты же у нас по вечерам готовишься к Лондону, а не к ночным заездам.

— Здесь проходит выездной семинар по ошибочным решениям. Ты, вижу, приглашён как главный преподаватель, — огрызнулась я.

Он скользнул взглядом по Марку, задержался на его старой БМВ, а затем посмотрел на ожерелье.

— Игорь Владимирович будет в восторге.

— Не приплетай сюда отца.

— Поздно. Фотография уже есть. Садись в машину, поедем домой и спокойно всё объясним.

Он говорил тоном человека, который уже всё решил за меня. Точно так же отец выбирал мне университет, а мама платье. Внутри меня разгорелась ярость.

— Я никуда с тобой не поеду.

— Не устраивай сцену, — он грубо схватил меня за локоть.

— Отпусти! — я крикнула со злостью.

Он потянул меня к машине, и я упёрлась ботинками в асфальт, чувствуя, как страх смешивается с яростью.

— Я закричу!

Артём наклонился к моему уху.

— И кому здесь поверят? Тебе? После пожара твоему слову дома доверяют меньше, чем моему. Я скажу, что нашёл тебя пьяной и пытался помочь.

Меня будто ударили под дых. Он знал, куда бить. В нашем доме пожар стал невидимой трещиной между мной м родителями, и Артём теперь использовал её, чтобы раздавить меня.

— Отпусти её, — раздался голос Марка.

Негромко, без явной угрозы, но Артём остановился.

— Не вмешивайся, это семейное дело, — бросил он.

— Она сказала «отпусти», — уже более грозно повторил Марг.

— А ты кто вообще такой?

— Тот, кому не нравится повторять дважды, — Марк подошёл ближе.

Он не повышал голос и не сжимал кулаки, но воздух между нами стал плотным, как свинец. Артём всё-таки разжал пальцы. Я прижала руку к себе, стараясь скрыть дрожь.

— Ещё раз тронешь её без разрешения твой телефон будет последним, что ты сегодня удержишь в руке, — спокойно произнёс Марк.

— Элла, ты серьёзно останешься с ним? — Артём стоял в недоумении и ждал моего ответа.

Я открыла рот, но слова застряли где-то между страхом и злостью.

За спиной Артёма стоял мой привычный мир, а рядом был Марк — типичный представитель хаоса. Выбор, прямо скажем, выдающийся.

Только один из них оставлял мне право сделать его самой.

Я шагнула к Марку.

Он едва заметно напрягся, но промолчал. Артём коротко рассмеялся.

— Ты даже не представляешь, с кем связался, — бросил он Марку. — И чью дочь решил присвоить.

Марк повернул голову ко мне, просто проверил, не передумала ли я.

Я осталась на месте.

— Я никого не присваивал, — спокойно сказал он. — Это вы никак не поймёте, что она вам не принадлежит.

У Артёма дёрнулся уголок рта.

— Красиво говоришь. Посмотрим, что ты скажешь её отцу.

Он достал телефон и развернул экран ко мне. На нём высветилось имя, от которого внутри всё оборвалось.

Игорь Владимирович.

Артём нажал кнопку вызова.

— Сейчас и узнаем, кому она принадлежит.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.